заканчиваются на согласный «k». Можно сказать, что в конце строк наблюдается аллитерация и ассонанс. Имеет место также особая внутренняя рифма (week — work — back — thick) (by — reply — fly). Автор широко использует аллитерацию для создания музыкального эффекта (saying — yesterday; birds — back; better — be). Компактность первой строфы достигается не только благодаря переносу (enjambement), но и за счет внутренней рифмы в четвертой строке (you — due), которая повторяет внешнюю рифму — строки 1-4 (you — due).

Следует отметить в заключение, что система поэтических расчленений (poetic disjunctures) параллельно с широким использованием синтаксического эллипсиса и инверсии позволяет поэту создать очаровательные и легко воспринимаемые поэтические тексты, покоряющие своим содержанием и формой.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Poems of Emily Dickinson. Including variant readings critically compared with all known manuscripts. 3 vol. // Ed. T. H. Johnson. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harward University Press, 1955. Стихи для анализа в данной работе были почерпнуты из : Emily Dickinson. Poems. Boston: New York Graphic Society, 1980. 166 p. Final Harvest. Emily Dickinson's Poems. Selection and Introduction by H. Johnson. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1961. 331 p.

2. Letters of Emily Dickinson// Ed. Mabel Loomis Told. New York: The Universal Library, Grossed and Dumlap, 1962. 389 p.

3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. С. 386.

4. Там же. С. 388.

5. Шишкина Т. Н. К вопросу о ритмическом построении речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974; см. также: Akhmanova O. S., The Prosody of Speech. M.: MGY, 1973. 167 p.; Akhmanova O. S., Siskina T. N. Registers and Rhythm. M.: MGY, 1975. 170 p.; Александрова О. В., Шишкина Т. Н. Фразировка как синтактико-стилистическая проблема // Вопросы языкознания. 1982. № 1. С. 21-27; Шишкина Т. Н. О некоторых принципах построения эстетически организованной речи// Теория и практика изучения современного английского языка. М.: МГУ, 1985. С. 145-152.

6. Brita Lindberg-Seyersted. Emily Dickinson's Punctuation. Oslo: American Institute, University of Oslo, 1976. 33 p.

7. Brita Lindberg-Seyersted. The Voice of the Poet. Aspects of the Style in the Poetry of Emily Dickinson. Uppasala: Almquist and Wiksell Bokrtryckeri Abj. 1968.

Людмила Ивановна МИКРЮКОВА — старший преподаватель кафедры французской филологии факультета романо-германской филологии

УДК 804.0-5

РОЛЬ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ПОСТРОЕНИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С НЕВЫРАЖЕННЫМ И ЗАМЕЩЕННЫМ ДОПОЛНЕНИЕМ ПЕРЕХОДНОГО ГЛАГОЛА

АННОТАЦИЯ. Объектом исследования данной статьи являются высказывания с невыраженным и замещенным прямым дополнением переходного глагола, рассматриваемые с учетом прагматического фактора. Устанавливается зависимость их функционирования от контекста.

The author examines expressions with an unmarked or substituted direct object following an intrasitive verb. Their functioning is analyzed from a pragmatic aspect and their dependance upon a context is considered.

Большинство лингвистов считают, что исследование языка должно начинаться на семантическом уровне, затем переходить на синтаксический и заканчиваться на прагматическом уровне. При этом результаты, полученные на первом этапе анализа, служат отправной точкой для исследования на последующем уровне. Что же касается непосредственно каждого предшествующего уровня, то он характеризуется относительной независимостью от последующего. Мы разделяем точку зрения Ж. Анкомбра и О. Дюкро [1], которые предлагают уже на уровне синтаксиса видеть воздействие прагматики, прагматика не вытекает из результатов семантического анализа, а должна составлять часть его.

Объектом исследования данной статьи являются высказывания с невыраженным и замещенным прямым дополнением переходного глагола, рассматриваемые с учетом прагматического фактора. Это такие высказывания, как: J'ai signé; On ne tourne pas demain; Je les connais et je ne me soucie pas de les reconnaitre.

Опираясь на современную лингвистическую теорию, согласно которой основной единицей речевой коммуникации признается текст [2], при изучении исследуемых конструкций будем принимать во внимание необходимость анализа внутренней организации текста, условий коммуникации и особенностей самих коммуникантов.

Любой текст, по справедливому замечанию Н. И. Жинкина [3], прежде всего предполагает наличие определенного запаса информации у обоих партнеров, что делает возможным замещение или опущение некоторых элементов высказывания, как это происходит в следующем диалоге:

— Lewis ... vous connaissez la nouvelle?

— Oui. Bien sur. **On ne tourne pas demain**, en signe de deuil. On va pouvoir jardiner un peu /Sagan/.

Этот разговор ведется людьми, работающими на киностудии. Для них стало привычным употребление глагола tourner с дополнением un film. В результате, эксплицитное выражение дополнения переходного глагола перестало быть обязательным.

Необходимая для успешного общения информация хранится в памяти партнеров, которую можно назвать «текущей памятью дискурса или текста» [4]. При построении своего высказывания говорящий рассчитывает на то, что часть информации уже известна собеседнику и, следовательно, ее можно не повторять. Это непосредственно касается высказываний с невыраженным дополнением переходного глагола. Обратимся к следующему примеру:

— J'ai trouvé une Rolls, vous savez.

— Une quoi?

— Vous savez, ces Rolls, dont vous parliez l'autre jour avec Paul. Où l'on peut monter debout sans se baisser ... Nous l'aurons la semaine prochaine. Il m'a donné assez d'argent pour commencer à la payer, alors **j'ai signé** /Sagan/.

В ближайшем глаголу signer окружении мы не найдем подходящего ему по смыслу дополнения. В фокусе внимания говорящего находится недавно приобретенная машина. Упоминание элементов, входящих в ситуацию купли—продажи, — donner de l'argent, payer — отсылает к недавно поступившей информации о заключении контракта между актером кино и продюсером, в результате чего signer однозначно предполагает прямое дополнение

le contrat. Без опоры на память дискурса говорящему пришлось бы уточнить, что именно он подписал.

Таким образом, эксплицитная и имплицитная передача информации в высказывании взаимодополняют друг друга и регулируются говорящим таким образом, чтобы слушающий смог понять замысел собеседника. Из всего множества неэксплицированной информации в конкретном высказывании подразумевается лишь какой-то совершенно определенный ее объем. «Отрезок текста понят, — пишет Н. И. Жинкин, — если денотат, возникший у приемника, соответствует денотату в замысле речи говорящего» [3].

Восприятие текста слушающим — это не только работа по анализу поступающей информации, но и постоянное прогнозирование будущего элемента высказывания. «Именно поэтому восприятие наиболее плодотворно тогда, когда ему предшествует определенная «семантическая атмосфера», установка — слушающий знает, о чем ему будут говорить» [5]. В связи с вышесказанным, интересным для анализа представляется следующий фрагмент диалога между врачом и больным:

— Nous sommes la pour vous aider, Etiévant. Alors, s'il vous plaît, parlons sérieusement.

— **Et qui nettoiera?**

— Quoi?

— Qui nettoiera les vomissures? /Loriot/.

Здесь говорящий сознательно употребляет глагол nettoyer без дополнения. То дополнение, которое он подразумевает, но не произносит вслух, не может быть самостоятельно восстановлено собеседником в силу его непредсказуемости в данном контексте. Именно поэтому последний обращается к своему партнеру с вопросом, направленным на выяснение того, что остается для него неясным. Если у врачей в данной ситуации имеется цель установить контакт с больным, чтобы помочь ему, то у больного, напротив, существует установка выразить свое пренебрежительное отношение и нежелание общаться. Как следствие, в разговоре периодически возникают паузы, вызываемые неожиданным для врачей поведением больного.

Приведенный отрывок диалога интересен и в том плане, что здесь мы имеем дело с нарушением одного из принципов речевого общения — вежливости, который, по определению Дж. Лича [6], лежит в основе стратегии речевого поведения, направленного на то, чтобы избежать конфликтных ситуаций.

Итак, наличие в высказывании переходного глагола требует от говорящего заполнения позиции прямого дополнения. Тем не менее, говорящий может оставить эту позицию открытой, что происходит, как показал исследуемый материал, по нескольким причинам.

Во-первых, говорящий опускает дополнение переходного глагола в том случае, если оно легко восстанавливается на основе имеющихся у участников коммуникации знаний или из ситуации общения. В этом отношении показательными являются проанализированные выше примеры с глаголами tourner и signer.

Во-вторых, говорящий не может подобрать нужное слово, необходимое для семантической и структурной завершенности высказывания. И хотя позиция прямого дополнения остается незаполненной, предполагается, что переходный глагол все-таки сохраняет свою направленность на объект. Приведем пример: Bien que je dépasse à peine quarante ans, j'ai depuis «le jour de l'événement», une tendance à l'insomnie, comme les vieillards. Et c'est la nuit que **je me remémore**. J'emploie ce verbe sans complément, car le complément varie d'une nuit à l'autre /Merle/.

О сохранении идеи направленности действия на объект свидетельствует сам автор высказывания, который объясняет причину отсутствия дополнения тем, что оно постоянно меняется. Класс возможных дополнений, по-видимому, очень широк и разнообразен, и автор не находит для него названия. Кроме того, в данном примере автор как бы «отодвигает» объект действия на второй план, заостряя внимание читателей на самом действии. Этот прием позволяет ему достичь определенной цели — передать ставшее в последнее время привычным для него состояние бессонницы, во время которой его одолевают воспоминания.

И, наконец, в-третьих, говорящий не предполагает заполнения позиции прямого дополнения. Переходный глагол не реализует переходное свойство, как это происходит в следующем случае: Adolphe connut vite que j' appartenais à la meilleure, à la vraie race des femelles: **celle qui avait la première fois pardonné** devint, par une progression habilement menée, **celle qui subit, puis qui accepte** ... /Colette/.

В вышеприведенном высказывании переходные глаголы pardonner; subir; accepter служат для выражения характеристики определенного класса субъектов, обладающих отличительными качествами. Выделительная конструкция celle ... qui лишний раз подтверждает наше предположение о непереходном значении выделенных глаголов.

До сих пор мы рассматривали высказывания, в которых по тем или иным причинам правая позиция переходного глагола оставалась незаполненной. Теперь обратимся к тем случаям, в которых позиция прямого дополнения при переходном глаголе заполнена местоимением.

Как и в случае опущения дополнения переходного глагола, местоимение часто употребляется для замещения известного предмета, о котором уже шла речь, например: Je ne fais pas attention aux villes où nous jouons. **Je les connais** et je ne me soucie pas de **les reconnaître** /Colette/. В данном случае мы имеем дело с кореферентным употреблением существительного и местоимения, что представляет собой сокращенное представление дополнения при переходном глаголе.

Сокращение или свертывание целой пропозиции до местоимения имеем в следующем примере: Dix heures et demie ... Encore une fois, **je suis prête trop tôt.** Mon camarade Brague, qui aida mes débuts dans la pantomime, me **le reproche** souvent en termes imagés ... /Colette/.

Однако функция сокращенного упоминания факта или явления не является единственной функцией местоимений. Довольно часто, как показал анализ материала, говорящий использует местоимения в той ситуации, когда он не находит нужного ему слова, позиция же прямого дополнения переходного глагола не может оставаться открытой: Il avait réussi ainsi à développer en elle petit à petit — mais peut-être **l'avait-elle** déja à sa naissance, peut-être **le tenait-elle** déja en lui — une sorte de sens spécial, pareil au sien, qui lui permettait de percevoir immédiatement, dissimulée partout, cette menace connue d'eux seuls, ce danger niché dans chaque objet en apparence inoffensif, comme une guêpe au coeur d'un fruit /Sarraute/.

И, наконец, третий случай употребления местоимения — называние предмета, на который в определенных условиях налагается запрет. В такого рода ситуациях собеседники, как правило, понимают, о чем идет речь, но не имеют права нарушить табу: **Le crime** lui-même, qu'il lui avait appris à redouter par-dessus tout, il ne **l'avait** jamais **désigné** ouvertement. Jamais il n'avait osé prononcer son nom. Ils sentaient tous deux que ce serait **le commettre déja** que de prononcer ce nom même en pensée ... Si quelqu'un, plein d'audace cynique ou d'inconscience, s'était permis de **le nommer** devant eux, ils auraient

baissé les yeux, effrayés; honteux, ils se seraient bouché les oreilles. Moi-même, c'est à peine si j'ose, ici où je suis maintenant avec eux, **le prononcer** tout bas ... **La Désinvolture** ... c'est ainsi je pense, qu'il doit s'appeler ... **la Désinvolture** ... **ce crime** qu'ils n'ont jamais osé nommer /Sarraute/.

Так, избегая прямого наименования того, произнесение чьего имени уже означает преступление, автор прибегает к целому ряду кореферентных наименований, среди которых ведущее место принадлежит местоимению le. Следует отметить также, что говорящий постоянно держит это понятие в фокусе внимания, настойчиво повторяя, что никто не осмеливается назвать «это» своим именем, даже в мыслях.

Изучение выделенных нами конструкций с замещенным и невыраженным дополнением переходного глагола показало, что они функционируют в тесной зависимости от своего окружения. Говорящему редко удается сформулировать свою мысль в одном предложении. Чаще всего он развивает ее последовательно в нескольких высказываниях. Позиция прямого дополнения при переходном глаголе заполняется говорящим в зависимости от его установки на достижение определенной цели. При этом большую роль играют такие факторы, как запас знаний у собеседников, фокус внимания и текущая память дискурса, установка слушающего, прогнозируемость высказывания, ситуативные особенности и социальная характеристика участников коммуникации, социальный контекст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ancombres J.-C., Ducrot O. L'argumentation dans la langue // Langages. 1976. № 42. P. 5-28.

2. Колшанский Г. В. Прагматическая характеристика вербальной коммуникации // Лингвистика и методика в высшей школе (XI): Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1983. Вып. 205. С. 3-12.

3. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. С. 80.

4. Кибрик А. А. Фокусирование внимания и местоименная анафорическая номинация // В Я. 1987. № 3. С. 79-81.

5. Норман Б. Ю. Синтаксис речевой деятельности. Минск.: Вышэйшая шк., 1978. С. 60.

6. Leech G. Explorations in Semantics and Pragmatics. Amsterdam.: Benjamins, 1980. 133 p. Colette S.-G. La naissance du jour. M.: Ed. Radouga, 1983; Loriot N. Un cri. P.: Grasset, 1974; Merle R. Malevil. P.: Gallimard, 1981; Sagan F. Le garde du coeur. P.: Julliard, 1968; Sarraute N. Portait d'un inconnu. P.: Gallimard, 1956.

Марина Тимофеевна ОНИЩУК — старший преподаватель кафедры французской филологии факультета романо-германской филологии, кандидат филологических наук

УДК 804.0-5

СРЕДСТВА СВЯЗИ ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ И ВКЛЮЧАЮЩЕГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (на материале современного французского языка)

АННОТАЦИЯ. Объектом иследования являются связи вставных конструкций и включающих предложений. Эти связи определяются смысловыми взаимоотношениями речевой ситуации и их контекстом.